

[illegible]

СЛОМАННЫЙ КОД

Сирена Амираль

Сломанный код. Часть первая

<https://litres.ru/74193659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главная героиня выстроила свою жизнь на прочном фундаменте логики. Никакой веры в судьбу, никаких иллюзий и глупых надежд — только успешная карьера и любимая дочь, ради которой она готова на всё. Её мир был безопасным, предсказуемым и... абсолютно холодным.

Но этот фасад рухнет в один миг, когда на её пороге возникает призрак из прошлого. Мужчина, который когда-то ушёл без объяснений, оставив после себя лишь пепел её доверия, снова смотрит ей в глаза. Хватит ли у неё сил простить предательство? И осмелится ли она вновь впустить в своё израненное сердце того, кто однажды его разбил?

Пока она пытается разобраться в собственных чувствах, вокруг неё закручивается вихрь древней и смертоносной игры. На шахматной доске вечного противостояния сошлись двое: Адам — безупречный защитник, идущий праведным путём света, и Люциан — холодный, пугающе расчётливый и выбравший первозданную тьму. Их битва давно вышла за рамки банальной войны добра и зла. Теперь на кону нечто гораздо большее...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	45
Глава 5	53
Глава 6	60
Глава 7	72
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сирена Амирель

Сломанный код.

Часть первая

Глава 1

Глаза наблюдали.

Спокойно. Терпеливо. Казалось, само время веками застывало в их бездонной глубине.

Они созерцали рождение и крах великих империй. Видели, как свет поднимался навстречу робкой надежде и как тьма укрывала мир своим холодным покрывалом. Видели жёсткие войны, рождённые слепым страхом, и хрупкий мир, который наступал лишь через глубокое понимание.

Эти глаза стали свидетелями бесчисленных эпох. Они слишком хорошо знали: свет далеко не всегда несёт в себе благо, а тьма — вовсе не обязательно порождает абсолютное зло. Но неумолимое время показало нечто иное. Из яростного столкновения света и тьмы родилось нечто большее. Нечто такое, чего не предвидела ни одна из сторон.

Именно поэтому сейчас этот древний, преисполненный мудрости взгляд скользнул по бесчисленным, переплетённым нитям человеческих судеб и замер лишь на одной —

единственной. На женщине, которая в это самое мгновение шла по шумной улице Лос-Анджелеса и искренне считала этот день самым обыкновенным и серым.

Если бы она только знала, сколько невидимых глаз наблюдают за каждым её шагом.

Если бы она только догадывалась, кем ей предстоит стать...

Но утро выдалось слишком обыкновенным. И именно эта обыденность раздражала больше всего.

Ева неторопливо шла по улице Лос-Анджелеса, совершенно не замечая ни слепящего солнца, ни вечно спешащей мимо толпы. Её мысли раз за разом возвращались к недавнему происшествию.

Светлые локоны холодного, пепельного оттенка мягко переливались в полуденных лучах. Большие тёмные очки надёжно скрывали её серо-голубые глаза. Со стороны этот образ выглядел безупречно, почти идеально: тонкие, точёные черты лица, безукоризненно светлая кожа, благородная и какая-то отстранённая, прохладная красота.

А вокруг бурлила привычная городская суeta. Прохожие двигались в каком-то безумном, автоматическом ритме — каждый куда-то спешил, каждый был с головой погружён в собственную жизнь. Никто ни на кого не обращал внимания. Серая, предсказуемая повседневность... и сейчас Ева отчаянно цеплялась за неё, как за спасательный круг.

— Это скоро закончится, — едва слышно прошептала она

самой себе.

Машина. Нужно просто забрать её из ремонта, и тогда всё окончательно встанет на свои места. Больше никакого душевного общественного транспорта, никаких вечно опаздывающих такси и никаких странных, подозрительных людей вокруг. Наконец-то вернётся прежний контроль.

Ева сделала медленный, глубокий вдох, словно бережно тестируя собственное внутреннее состояние.

Она спокойна.

Она собрана.

Она по-прежнему держит всё под контролем.

Почти...

Но именно в это мгновение безжалостная память снова нанесла сокрушительный удар.

Шумный, яростный дождь с силой барабанил по лобовому стеклу.

Автомобильные дворники бешено работали на пределе своих возможностей, но потоки воды всё равно размывали дорогу впереди.

Ева вела машину быстро, но уверенно. Она всегда считала себя отличным водителем. Всегда контролировала дорогу.

Внезапно темноту салона разрезала яркая вспышка — экран телефона загорелся от пришедшего уведомления. Какое-то глупое сообщение... Она отвлеклась лишь на мгнове-

ние. Буквально на одну короткую секунду.

Громкий автомобильный гудок. Резкий. Пронзительный. Оглушающий. Слишком близко! Ослепляющий свет фар наотмашь ударил по глазам. Вспышка. Скрежет металла. Весь её мир перевернулся с ног на голову.

И вдруг — оглушительная, мёртвая тишина. Пальцы до боли ещё сжимали остывающий руль. А в ушах стоял лишь один звук — собственное сердце колотилось так бешено и сильно, что полностью заглушало весь остальной мир.

«Я жива...» — обожгло сознание.

Это была её первая, самая чёткая мысль.

Передняя часть машины превратилась в грудку смятого железа.

Но что-то во всём этом было не так. Какая-то зловещая, противоестественная неправильность. Сам удар... он просто не мог произойти подобным образом. Всё выглядело так, словно чья-то невидимая рука в самое последнее мгновение переписала законы физики и изменила саму реальность.

— Вы целы? Эй, вы в порядке? — сквозь пелену шока донёсся голос откуда-то снаружи.

Ева не ответила. Она не могла пошевелиться, замороженно глядя прямо перед собой — сквозь треснувшее лобовое стекло на ночную дорогу.

Абсолютно пустую дорогу...

Автомобиль, с которым она только что столкнулась лоб в лоб, бесследно исчез. Ни осколков, ни тормозного следа.

— Мисс, вы меня слышите?

Ева судорожно моргнула.

И наваждение растаяло. В то же мгновение чужая машина снова оказалась там. Она стояла на месте — осязаемая, разбитая, пугающе реальная.

— Да... — едва слышно выдавила она. — Всё нормально.

Это была чистая ложь. Морок воспоминаний отступил, и Ева резко вернулась в реальность.

— Мам?

Ева испуганно вздрогнула.

Мира смотрела на неё своими большими голубыми глазами — слишком серьёзно и внимательно для семилетнего ребёнка.

— Ты опять думаешь о том, чего на самом деле не было?

Ева невольно нахмурилась:

— Было, Мира.

— Нет, — абсолютно спокойно, не по-детски серьёзно ответила девочка.

— Сначала этого не было.

Повисла тяжёлая пауза.

— А потом вдруг стало.

Ева почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод, а внутри всё болезненно сжалось.

— Что... что ты имеешь в виду?

— Не знаю, — безмятежно пожала плечами дочь. — Мне

просто так кажется.

В последнее время странное поведение Миры всё чаще вызывало у Евы непонятную тревогу. Но уже в следующее мгновение девочка как ни в чём не бывало переключилась: по дороге домой она болтала без умолку, увлечённо рассказывая, как «по-детски» решила назревающий конфликт с одноклассником.

— ...в общем, я просто сказала ему, что так делать неправильно, и забрала свой карандаш! — гордо подытожила Мира.

Ева опустила глаза, пытаясь скрыть невольную улыбку.

— Хорошо, что ты научилась отстаивать своё, — мягко начала она, но тут же добавила строже: — Но в следующий раз будь аккуратнее.

Мира недовольно фыркнула:

— Ты опять включаешь строгую маму.

— Я просто хочу, чтоб ты заранее думала о последствиях своих поступков.

— Мам, — протянула девочка, хитро прищурившись. — А что, если эти последствия совсем не такие, какими мы их себе представляем?

Ева нахмурилась, но предпочла промолчать. Подобные странные, не по годам взрослые вопросы дочь задавала ей едва ли не каждый день.

И вдруг по телу разлилось смутное смятение. Ей показалось, что в самом ритме улицы что-то неуловимо измени-

лось. Движения прохожих стали какими-то неестественными.

«Просто усталость, — мысленно приказала себе Ева. — Слишком много работы, эта бесконечная спешка.»

И всё же... Полуденные лучи солнца внезапно показались слепяще-яркими, а шаги людей вокруг замедлились, словно в режиме ленивого стоп-кадра. Ева пыталась переключить внимание, перебирая в голове привычные будничные заботы, лишь бы сбежать от пугающих мыслей.

«Кажется, Мира совсем выбивается из рук. Ещё немного, и она действительно проткнёт кому-нибудь глаз этим несчастным карандашом. Становится абсолютно неуправляемой... Может, если бы её отец был рядом, всё сложилось бы легче? Стоп. Нет. Я со всем справлюсь сама. Как и всегда. Нам не нужен этот ублюдок.» Порочное, давно вычеркнутое из жизни слово отозвалось в груди леденящей стужей.

Из этого мысленного оцепенения Еву выдернуло странное оптическое явление: воздух перед глазами едва заметно задрожал, являя едва различимый, неестественный сдвиг.

— Мам, здесь происходит что-то очень странное, — тихо произнесла Мира.

— Всё в порядке, — машинально отозвалась она, хотя где-то в самой глубине души уже чётко знала: их привычный мир больше никогда не будет прежним.

Мира сегодня была на редкость разговорчивой.

— Мам... а ведь иногда кажется, будто весь мир специаль-

но подстраивается под то, о чём мы думаем.

— И как это называется, Мира? Магия? — Ева попыталась улыбнуться.

— У нас не бывает магии... — девочка на секунду задумалась, а затем упрямо возразила: — Но я всё равно не понимаю: почему тогда учитель сначала сказал, что мой проект «слегка перепутан», а потом сам перепутал все бумаги?

По дороге домой они присели на лавочку в сквере, совсем недалеко от их дома. Ева молча наблюдала за тем, как дочка пытается аккуратно сложить листы обратно в рюкзак.

— Ты уже всё исправила? — поинтересовалась она.

— Да, — кивнула Мира. — Но это всё равно странно... Ну почему все сделали одну и ту же ошибку?

Ева устало вздохнула и отмахнулась от навязчивых мыслей:

— Люди постоянно ошибаются, Мира. Не ищи здесь скрытый смысл и не придавай этому мистического значения.

Дочь оторвалась от рюкзака и пристально уставилась на неё.

— Мам, а что, если эти ошибки вовсе не случайны?

Ева внутренне вздрогнула, но изо всех сил попыталась сохранить безмятежный вид и улыбнуться:

— Ну, тогда мы все в огромной опасности. И тебе, похоже, придётся заново учить меня математике.

Девочка коротко, из вежливости усмехнулась. Но её взгляд по-прежнему оставался серьёзным, не по-детски тя-

жѐлым.

По спине Евы снова пробежал отчётливый ледяной холодок.

Это точно не было игрой воспалѐнного воображения. Что-то в самом фундаменте реальности сдвинулось, и Ева ощущала это каждой клеточкой тела.

Птица, плавно летевшая над верхушками деревьев, вдруг намертво зависла в воздухе, словно её силуэт грубо вырезали и вклеили в застывший кадр.

— Мам! — Мира с силой дёрнула её за рукав, указывая вверх — Смотри, она не летит!

Ева заворуженно смотрела на замершее пернатое тело. Судорожно моргнула.

— Видела, — выдавила она, заметив, что птица снова взмахнула крыльями. — Всего секунда, и она полетела дальше. Всё нормально, Мира.

Но стоило ей перевести взгляд на рюкзак дочери, как сердце пропустило удар. Оставленные внутри листы бумаги сами собой сдвинулись в сторону, хотя девочка даже не прикасалась к ним.

— Мира... это ты их двигаешь? — с трудом сдерживая дрожь в голосе, спросила Ева.

— Нет, — безмятежно отозвалась дочь. — Они сами.

Ева до боли сжала кулаки, отчаянно пытаясь удержаться за остатки ускользающего рационализма.

Но пространство вокруг них стремительно менялось. Воз-

дух сделался вязким, тяжёлым, будто превращаясь в густое желе. Привычный гул городского парка неестественно приглушался, и Ева физически ощутила, как мир вокруг них начинает подстраиваться под чью-то неумолимую волю, медленно и необратимо смещаясь. Она отрицала происходящее до последнего, но глубоко внутри уже чётко осознавала: это больше не глупое совпадение.

Резко поднявшись с лавочки, Ева крепко перехватила ладонку дочери.

— Пошли домой, — сухо и преувеличенно строго скомандовала она, тщетно пытаясь вернуть их испуганный мыслями привычный, будничный порядок.

Мира послушно, даже как-то весело подпрыгнула на месте:

— Домой? Мам, а что, если наш дом стал совсем другим?

Ева изо всех сил постаралась сохранить внешнее хладнокровие, хотя удушающая тревога уже полностью подчинила её себе.

— Он не может быть другим, — резко отрезала она, скорее убеждая себя, чем ребёнка. — Всё остаётся на своих местах.

Они шли по улице, и Ева мысленно проверяла каждый свой шаг: тротуар, дорожные знаки, фонари, входные двери. Она отчаянно цеплялась за детали, убеждая себя, что всё вокруг должно совпадать с её памятью.

Но чем сильнее она вглядывалась в окружение, тем яв-

ственнее проступали пугающие аномалии.

Массивная каменная лавочка необъяснимым образом сдвинулась на пару метров в сторону. Рыжая кошка, только что сидевшая у стеклянной витрины, мгновенно исчезла и тут же появилась на противоположном углу здания.

Листья на ветках деревьях продолжали хаотично шевелиться, хотя знойный уличный ветер полностью стих.

— Мам, а что, если я просто думаю слишком громко? — вдруг нарушила тишину Мира.

— Ты ещё ребёнок, глупышка... попыталась успокоить её Ева. — Не ищи скрытый смысл там, где его попросту нет.

— Но мама... — Мира на секунду запнулась, а затем как-то слишком легкомысленно улыбнулась: — ...а вдруг это я сама его случайно двигаю?

Ева резко застыла на месте, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

— Что... что именно ты двигаешь, Мира?

— Да не знаю я! — девочка всплеснула руками, забавно замахав ими в воздухе. — Просто я. Я думаю, и оно меняется!

Лицо Евы исказилось от подступившего ужаса. Она устало, тяжело вздохнула:

— Мира, послушай меня. Ты не должна забивать свою голову и так много думать о совершенно бессмысленных вещах!

— Ты хотела сказать: «не должна думать громко»? — пе-

ребила Мира.

— Мира! — в голосе Евы уже отчётливо звучало раздражение. — Нельзя думать «громко». Мысли всегда беззвучны.

— А вот и нет... — упрямо покачала головой девочка. — Когда я думаю громко, весь мир начинает меняться. А когда тихо — всё послушно остаётся на своих местах.

«Что за бред? — панически пронеслось в голове у Евы. — Она говорит совершенно дикие, пугающие вещи». Ладно, Мира ещё совсем ребёнок, у неё бурная фантазия. Но как объяснить то, что самой Еве на каждом шагу чудятся пространственные сдвиги. Неужели это запоздалые эхо-симптомы той ужасной аварии. Или она просто сходит с ума?

Её лихорадочные мысли грубо прервал глухой стук — прямо к её ногам с ветки дерева тяжело упало крупное яблоко.

Ева замерла и сердито нахмурилась:

— Великолепно. Теперь ещё и деревья решили поучаствовать в этом балагане.

А про себя со злостью и бессилием подумала: «Как же я ненавижу эти чёртовы яблоки.»

Она наклонилась и подняла яблоко, сжимая его в ладони с такой силой, словно от этого плода зависел контроль над всей ее жизнью.

«Всё под контролем, — упрямо заклинала она сама себя. — Это просто упавшее яблоко. Обычная случайность...»

Но Мира уже нетерпеливо протянула к ней руку:

— Мам, а вдруг это яблоко — какой-то знак?

Ева тихо, тяжело выдохнула:

— Знак? Если это так, то я бы предпочла его в упор не замечать!

Она перевела взгляд дальше на улицу, и внутри всё похолодело — город стремительно терял свои привычные очертания. Уличный фонарь, всегда стоявший строго на углу, теперь сиротливо возвышался чуть выше обычного. Стеклянная витрина магазина будто неумовимо скособочилась, и Ева замерла, поймав в ней чужое отражение. Из глубины тёмного стекла на неё смотрел смутный силуэт взрослого мужчины. Она совершенно не знала этого человека, но в то же мгновение её пронзила дикая мысль: на каком-то подсознательном уровне она его помнит.

— Мам — едва слышно прошептала Мира. — Он там.

Ева резко обернулась и впиалась взглядом в тротуар. Никого. Лишь безликая толпа прохожих продолжала двигаться в своём привычном темпе.

— Кто там, Мира? О ком ты?

— Никого, — испуганно замкнулась девочка. — Просто... показалось. Мам... а мы точно выходили с этой стороны дома?

Ева нахмурилась, чувствуя, как земля уходит из-под ног:

— Конечно, с этой. Откуда такие вопросы?

— Просто... здесь всё немного другое. И тротуар не такой.

И лампы светят как-то странно.

Ева нервно хмыкнула.

— Ты смотришь слишком пристально. — тихо озвучила свою мысль Ева. — Иногда мир просто... Выглядит иначе.

Она сильно сжала яблоко, чувствуя его гладкую кожуру.

— Кажется — пробормотала она едва слышно. — Этого «кажется» в нашей жизни становится слишком много.

И впервые за долгие годы Еву пронзило леденящее осознание: контроль неумолимо ускользает. Пространство вокруг них начало едва заметно, бесшумно смещаться. И причиной этого была Мира. Девочка, словно мощный ментальный магнит, притягивала аномалии своими мыслями, детскими страхами и фантазиями, шаг за шагом «подталкивая» и деформируя реальность.

На следующий день всё снова выглядело абсолютно нормально.

Даже слишком нормально...

Ева поймала себя на спасительной мысли, что весь вчерашний кошмар — лишь следствие дикой усталости, нервного перегруза и чересчур бурного воображения дочери. Она почти сумела убедить себя в этом.

Почти...

Оглушительный звонок телефона нарушил тишину ровно в 10:17.

Ева сидела перед мерцающим монитором, в своей домашней одежде, полностью погружённая в бесконечные строчки

кода. Работа из дома имела свои плюсы. Но заставляла крутиться вдвойне: сейчас она вела проекты сразу для нескольких крупных компаний, разрываясь между техническими заданиями. Её сложная, скрупулёзная профессия программиста сторонним людям казалась невероятно нудной и монотонной. Но для самой Евы этот мир был настоящим убежищем, безопасным бегством от хаотичной реальности. Здесь каждый символ, каждая цифра и алгоритм беспрекословно подчинялись строгой логике.

Она посмотрела на экран телефона, прежде чем ответить. Это был звонок из школы.

— Мира, — вздохнула Ева. — Что ты натворила на этот раз?

«Этой девочке определённо следовало родиться мальчишкой, — с горькой ухмылкой подумала Ева. — Тогда её взрывной нрав и вечное своеволие можно было бы хоть как-то оправдать».

Она провела пальцем по экрану:

— Да, я слушаю.

— Мисс Ева? — Голос в трубке звучал вежливо, даже слишком вежливо. — Вас просят срочно подойти в школу. Это касается вашей дочери.

Короткая, звенящая пауза...

— Что-то случилось?

— Произошёл небольшой ...инцидент.

Школа встретила Еву привычной смесью запахов свежей

краски, бумаги и оглушительного детского гама. Но сегодня этот хаос ощущался как-то иначе: внутри Евы нарастало странное чувство дежавю, будто окружающие звуки на долю секунды отставали от движения людей. Реальность снова едва заметно слоилась.

Ева потянула за ручку и вошла в кабинет. Мира неподвижно сидела на стуле, упрямо скрестив руки на груди. Чуть дальше от неё стоял шмыгающий носом мальчик, прижимающий обёрнутый в салфетку лёд к быстро синеющему подглазью.

— Мама, — спокойно произнесла Мира

Слишком спокойно для того, кто только что устроил драку.

— Что здесь произошло? — холодно спросила Ева, переводя взгляд с дочери на припухшее лицо мальчика.

В разговор мягко вмешалась классная руководительница:

— Понимаете, у нас было обычное творческое задание...

Дети должны были нарисовать свою семью.

Учительница положила лист на стол.

Ева опустила взгляд на рисунок.

Сначала она отыскивала глазами себя. Чёткие, уверенные линии. Строгий деловой костюм, волосы собраны в высокий хвост. Сходство было слишком очевидным.

«А ведь дочь — прирождённый художник», — не без гордости подумала Ева. Ей отчаянно захотелось улыбнуться, но пришлось подавить этот порыв, чтобы не растерять остатки

авторитета строгой матери.

Затем она перевела взгляд на фигуру дочери. Рядом была нарисована Мира... Но почему у неё в руках яблоко?

«Да они издеваются надо мной, что ли, эти чёртовы яблоки?» — внутри Евы шевельнулось смутное, раздражённое недоумение.

Однако, когда её взгляд скользнул к краю листа, остатки хорошего настроения испарились без следа.

Рядом с ними стоял мужчина.

Высокий силуэт.

И он был... в dospехах? «Ну и фантазия у ребёнка», — попыталась успокоить себя Ева, но сердце застучало быстрее. Лицо незнакомца Мира прорисовывать не стала — вместо него зловеще чернела глухая, густая тень. Та самая, из витрины.

— Это... это кто? — тихо спросила Ева, не поднимая глаз.

Пострадавший мальчик внезапно хмыкнул и задорно вклинился в разговор:

— Её папа — рыцарь! — прыснул он со смеху. — Наверное, он отправился искать дракона!

Мира резко, с грохотом отодвинула стул и встала.

— Он настоящий! — упрямо отрезала Мира.

— Ну конечно! — язвительно передразнил мальчик. — И что, в замке живёт?

— Сейчас нет, — спокойно ответила девочка, но с той же пугающей, взрослой уверенностью добавила: — Но когда-то

давно он жил там. Вообще он много где жил...

Ева молча разглядывала серый силуэт на бумаге. К своему удивлению, она не чувствовала злости или раздражения на дочь. Внутри неё росло совсем другое чувство — холодное узнавание.

Чуть позже, когда детей попросили подождать в коридоре, учительница закрыла дверь и осторожно повернулась к Еве:

— Мы всё понимаем, что в таком возрасте дети склонны фантазировать, мисс Ева. Но, возможно... вам стоит показать её специалисту? Психологу, например, — мягко уточнила она

— Вы предлагаете мне лечить ребёнка из-за обычного детского рисунка? — в голосе Евы прорезалось глухое раздражение.

— Дело вовсе не в рисунке, — вздохнула учительница. — Дело в том, насколько слепо Мира верит в свои выдумки. Она защищает их с такой агрессией, что готова покалечить другого ребёнка.

Ева вскинула голову и ледяным тоном отрезала:

— С моей дочерью всё в порядке!

— Конечно, разумеется, — поспешно отступила женщина, не желая развивать конфликт. — Это всего лишь профессиональная рекомендация.

Ева коротко, сухо кивнула. Она уже не слушала собеседницу — её взгляд снова непреодолимо потянулся к листу бумаги, лежащему на столе.

И в это самое мгновение...

Внутри у неё всё оборвалось. Ей отчетливо, ясно показалось, что нарисованный на бумаге рыцарь едва заметно сдвинул щит, сильнее перехватив его рукой.

Ева зажмурилась и резко моргнула.

Показалось. Рисунок был статичен.

Глава 2

Дома их встретила густая, давящая тишина.

Мира сразу же устроилась за столом и увлечённо принялась рисовать что-то новое. Ева, делая вид, будто рассеяно листает ленту новостей в телефоне, прошла на кухню, но у самой раковины замерла и обернулась.

— Мира.

— Да, мам? — не отрываясь от бумаги, отозвалась девочка.

— Кто этот рыцарь на твоём рисунке?

Мира ответила не сразу. Она медленно отложила карандаш, словно взвешивая свои слова, и только потом подняла на мать абсолютно спокойный взгляд

— Папа.

У Евы судорожно сжались челюсти, а пальцы крепче впились в корпус телефона.

— У тебя нет папы.

— Есть, — тихо, но с железной уверенностью возразила Мира.

— Ты не можешь его знать.

Девочка едва заметно покачала головой:

— Я видела его, мам.

— И где же?

— Во сне.

Воздух в комнате стал осязаемым, а тишина — плотной и тяжёлой, как перед грозой.

— И какой же он? — против воли спросила Ева.

— Он высокий. Очень сильный. А глаза у него такие... — Мира на мгновение запнулась, подбирая слова, и её взгляд стал пустым. — Будто он уже знает всё-всё, что с ним случилось. И всё, что ещё только случится.

По спине Евы медленно, волной пробежал холодок. Внутри вспыхнуло паническое узнавание — словно этот образ и эти пугающие характеристики она уже когда-то слышала. Или видела сама.

— И что твой рыцарь делал в твоём сне? — севшим голосом спросила она.

— Он просто смотрел на меня, — тихо ответила Мира, и по её лицу скользнула тень жалости. — А ещё он сказал, что ты снова всё сделаешь неправильно.

Ева резко выпрямилась, чувствуя, как внутри всё сильнее натягивается невидимая струна.

— Что?

— Не злись, — всё также спокойно повторила Мира. — Он настоящий.

Звнящая пауза.

— И он сказал, что скоро придёт.

Секунда замерла. Ева круто развернулась, уходя от этого невыносимого взгляда дочери.

— Хватит, — холодно сказала Ева, стараясь, чтобы голос

не выдал её панику.

— Больше никаких историй. Мне некогда выслушивать эти глупости.

Пытаясь отвлечься и вернуть контроль над привычной домашней рутиной, она потянула за ручку и открыла холодильник. И тут же замерла, забыв как дышать.

На пустой средней полке одиноко лежало яблоко.

Глянцевое, ярко-красное. Слишком идеальное, словно сошедшее с картинки или издевательски точной иллюстрации. Ева не могла пошевелиться. В голове забилась одна-единственная мысль: она точно не покупала никаких яблок. Последние годы их вообще не было в этом доме.

Пальцы онемели. Ева медленно, бережно, словно боясь потревожить притаившуюся змею, прикрыла дверцу холодильника.

— Мам... — раздался со спины тихий, вкрадчивый голос Миры.

Ева так и осталась стоять лицом к холодильнику, не в силах обернуться.

— Что?

— Ты же терпеть не можешь яблоки?

— Не люблю, — едва слышно выдохнула Ева.

Комнату затопила тяжёлая, ватная тишина.

И в этой тишине из глубины памяти внезапно вынырнуло воспоминание. Оно ударило с такой сокрушительной силой, что в глазах на мгновение потемнело, и Еве пришлось судо-

рожно опереться рукой о край стола, чтобы просто не упасть.

Белый свет ударил в глаза. Слишком яркий, почти стерильный.

Резкий крик.

Нет, кричала не она — это был плач Миры. Маленькой, совсем крошечной Миры. Ей только едва исполнился год.

Ева судорожно прижимает её к себе, чувствуя, как собственные руки неуправляемо дрожат.

— Она задыхается! — взрывается в ушах чей-то чужой, неестественно резкий голос.

Малышка хрипит, кашляет, синеет. Лицо сначала наливается багровым румянцем, а затем стремительно, страшно бледнеет.

Злосчастный кусочек яблока.

«Как я могла не доглядеть?.. Господи, как я могла?!»

— Дыши, маленькая моя, дыши... — иступлённо шепчет Ева, уже сама не понимая, кому адресованы эти слова — задыхающейся дочери или себе, застывшей от ужаса.

Воспоминания сменяются рваными кадрами: воющая сирена, мигалки скорой, ворвавшиеся в дом чужие люди. Кто-то грубо, но решительно вырывает обмякшую Миру из её онемевших рук.

— Мы сделаем всё возможное, — бросает на ходу врач, но в его бесцветном голосе нет ни капли уверенности.

И финал. Больничный коридор.

Оглушительно холодный.

Руки пустые. До ужаса лёгкие.

И именно тогда, впервые в своей жизни... она осознала, что не может контролировать абсолютно ничего. Ни идеальные логические цепочки. Ни послушные цифры. Ни ускользающее сквозь пальцы время.

— Мы теряем её, — доносится откуда-то издалека чужой, глухой голос.

Эти слова безжалостно режут по живому.

Ева бессознательно делает шаг назад, упираясь спиной в холодную больничную стену.

И вдруг...

— Пожалуйста ... — срывается с её губ едва слышный шёпот. Она говорит это, совершенно не контролируя себя — Пожалуйста, пусть она живёт....

Ева не знает, к кому обращается. Она рациональна до мозга костей, она никогда и ни во что не верила. Ни в Бога, ни в судьбу, ни в чудеса. Но в это страшное мгновение... она молилась. Неистово, отчаянно.

«Я сделаю всё. Слышишь? Всё что угодно, только пусть она дышит...»

Слёзы сплошным потоком текут по щекам, но она их не чувствует.

Вязкие секунды растягиваются до бесконечности. Весь привычный мир вокруг стремительно рушится и перестаёт существовать, оставляя её в абсолютной пустоте.

И вдруг...

Глухой, надрывной кашель.

Резкий. Пронзительный. Живой.

Мира!

Один из врачей резко оборачивается к ней, на его лице застыло крайнее изумление.

— Она выплюнула кусок яблока!

Он на секунду замирает, словно сам не верит в происходящее, а затем выдаёт:

— Она дышит... Стабильна.

Ева стоит, оглушённая этой новостью, и далеко не сразу понимает, что самое страшное уже позади.

Ева резко открыла глаза, словно выныривая из ледяной воды.

Кухня. Родные стены. Та же гнетущая тишина.

Пальцы всё ещё судорожно сжимали край стола, побелевшие суставы ныли. С трудом заставляя себя расслабиться, она медленно, со свистом выдохнула сквозь зубы.

— Мам... — раздался негромкий голос. Мира внимательно, слишком проницательно для своего возраста посмотрела на неё. — Ты опять думаешь об этом?

Ева до боли стиснула зубы, чувствуя, как внутри всё каменеет.

— Нет.

Это была ложь. Жалкая, прозрачная ложь.

Она терпеть не могла яблоки вовсе не из-за их вкуса.

А потому что тогда, в холодной больничной палате... она впервые в жизни сломалась. Предала собственный прагматизм и сделала то, во что никогда искренне не верила — взмолилась о пощаде. И с тех самых пор она отчаянно, всеми силами пыталась вычеркнуть тот момент слабости из своей памяти.

— Он тоже это знает, — так же тихо, почти воркующе обронила Мира.

Ева медленно, словно преодолевая сопротивление густого воздуха, повернулась к дочери. Горло пересохло.

— Кто?

Мира посмотрела на неё в упор и едва заметно, одними уголками губ, улыбнулась.

— Папа ...

Глава 3

Экран ноутбука мягко светился в полумраке комнаты.

Ева машинально листала новости, которыми в последние три дня пестрил весь интернет.

«Массовый сбой электронных часов зафиксирован сразу в нескольких странах».

«Жители северного района сообщили о странном гуле в небе».

«Учёные не могут объяснить резкое изменение перелётных птиц».

Ева тихо усмехнулась и пролистнула дальше.

— Господи... люди страдают из-за ерунды, — пробормотала она себе под нос.

Следующая статья заставила её задержать взгляд.

«Тысячи людей утверждают, что видели один и тот же сон».

Ева устало закатила глаза и уже хотела закрыть ноутбук, как вдруг ей на почту пришло письмо: «Мы ознакомились с вашим профилем...»

Она машинально прокрутила вниз.

Компания VESPER — одна из самых закрытых и влиятельных в сфере цифровой безопасности. О ней давно ходили странные слухи. Говорили, что её невозможно взломать. И что никто до конца не знает, чем именно они занимаются.

Ева нахмурилась.

— Странно...

Она не отправляла резюме им.

И всё же письмо было слишком ... точным. Слишком личным...

Внизу адрес.

И подпись.

L.

Её пальцы на мгновение замерли над клавиатурой.

Что-то внутри дрогнуло.

Не страх.

Скорее... узнавание.

Логика.

Факты.

Последовательность.

Рисунок.

Яблоко.

Странное письмо...

— Бред, — тихо сказала она.

И в этот момент...

— Согласен. Но ты всегда начинаешь именно с этого слова.

Ева резко обернулась.

Он стоял у окна.

Словно был там всё это время.

Спокойный.

Чуть ироничный.

И абсолютно чужой.

И одновременно — нет...

Серый вечерний свет скользил по его лицу, подчёркивая острые черты и чуть растрёпанные тёмные волосы. Рукава чёрной рубашки были небрежно закатаны до локтей, а верхние пуговицы расстёгнуты так, словно ему всегда было жарко рядом с другими людьми. В его взгляде было что-то опасное — не угроза, а тихая уверенность человека, который привык всё контролировать.

— Ты?.. — Она резко поднялась, судорожно оглядываясь в поисках чего-то тяжёлого.

Почти восемь лет ей удавалось искусно прятаться и скрывать само существование Миры.

Конечно, когда-то она представляла их встречу — случайную, мимолётную, смутную... Но никак не здесь, на собственной кухне.

— Как ты тут очутился? Как нашёл нас...меня? Как вообще сюда попал?

— Боже, сколько вопросов, Ева! — Он снисходительно усмехнулся. — Легко. Я не искал вас. Вошёл через дверь, как все нормальные люди.

Ева крепко сжала кулаки.

— Я не слышала...

— Ты многого не слышишь, Ева.

Повисла тяжёлая пауза.

Он неторопливо окинул взглядом кухню, задержался на столе, а затем посмотрел прямо на неё.

— Всё так же помешана на контроле и порядке?

— Убирайся, — процедила она сквозь зубы.

— Как вы? — невозмутимо произнёс он.

— Ты ко мне на «вы»? — попыталась съязвить Ева, но голос предательски дрогнул.

Мужчина перевёл взгляд в сторону комнаты, где спокойно спала Мира.

— «Вы» — это ты и наша дочь.

Воздух в комнате словно загустел.

— Ты не имеешь к ней никакого отношения! — отрезала Ева.

Он усмехнулся.

— Правда?

И он сделал шаг вперёд.

Ева почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Я не хочу тебя знать. Я давно забыла тебя.

— Это временно.

Пауза...

— Ты никогда ничего не помнишь.

Ева решительно шагнула к нему.

— Если ты сейчас не объяснишь, что происходит, я вызову полицию.

Он тихо рассмеялся в ответ.

— Попробуй.

Она схватила телефон. Экран послушно загорелся. «Нет сети». Ева замерла.

— Серьёзно?.. — устало выдохнула она.

Он нетерпеливо прошёлся по кухне и остановился у стола. Вдруг протянул руку и взял яблоко. То самое.

Ева резко напряглась.

— Не трогай.

Он перевёл на неё взгляд.

— Всё ещё?

— Положи.

Он медленно покрутил яблоко в пальцах, едва заметно улыбаясь полунамёком.

— А помнишь, как всё начиналось?

Ева ответила ледяным тоном:

— Нет. Но отлично помню, чем всё закончилось.

— Да неужели? А клуб «Рай» ты тоже успела забыть?

Слово ударило. Внутри неё будто что-то надломилось.

Жизнерадостная, прежняя Ева звонко смеётся.

Он.

Только совсем молодой.

И без этой горькой, усталой иронии во взгляде.

— Мы куда? — сквозь смех спрашивает она.

— В рай, — он кивает на сияющую вывеску.

«HEAVEN»

— Серьёзно? — Ева шутливо закатывает глаза. — Откуда

в тебе столько пафоса

— Всё только ради тебя.

Прошное распалось. Ева резко вернулась в реальность.
Дыхание перехватило.

— Нет...

Она сделала шаг назад.

— Всё это было ошибкой.

— Ты всегда так говоришь, — негромко и мягко ответил он.

Повисла долгая пауза.

— Когда не хочешь смотреть правде в глаза.

Он в упор посмотрел на неё.

— Да кто ты, чёрт возьми, такой, чтоб заявляться сюда спустя столько лет и...

Он не дал ей закончить:

— Тот, кто пойдет за тобой на край света...

У Евы всё болезненно сжалось внутри. И это говорил человек, который когда-то даже не удосужился внятно объяснить, почему так жёстко бросил её. Оставил именно в тот день, когда она — растерянная, но такая счастливая — мчалась к нему, чтобы поделиться новостью о беременности. Новостью, которую так и не успела произнести. Она ведь безумно любила его и верила без оглядки. Тому, кто как ей казалось, горы ради неё свернёт... Как же жестоко она ошибалась.

И сейчас у него хватает наглости твердить про какой-то край света?!

— Ты? За мной? — Ева горько усмехнулась.

— Я понимаю, что сейчас ты мне не веришь. — спокойно ответил он. — Но поверишь, будь уверена.

— Нет, это ты будь уверен: я не поверю тебе больше никогда. Даже если сам Господь Бог спустится на землю и скажет мне об этом, — произнесла она с ледяной иронией, ведь сама давно не верила ни в какие высшие силы.

В ответ он лишь негромко рассмеялся.

— Не льсти себе, Ева. У Него наверняка есть дела поважней, чем спускаться с небес ради моих оправданий.

Комната снова погрузилась в гнетущее молчание. Воздух стал почти осязаемо тяжёлым.

— Я знал о ней.

— Что?.. — резко выдохнула Ева.

— Всегда, — спокойно ответил он.

Повисла тишина.

— И ничего не сделал? Вообще ничего?!

Он медленно перевёл взгляд на неё.

— Я ждал.

— Чего же ?!

— Когда ты снова начнёшь ломать всё.

Пауза....

— Впрочем, как обычно.

Ева стремительно шагнула к нему почти вплотную.

— Я? Ломать? Ты сейчас пытаешься переложить на меня свои грехи?! Не смей разговаривать со мной так, словно ты меня знаешь.

— Я знаю тебя лучше, чем ты сама.

— Той наивной и доверчивой девочки, которую ты знал, больше не существует. Я не верю людям... и не верю в Бога,
— едва слышно добавила она.

— Иногда всё же веришь. Я знаю, как отчаянно ты молилась...

— Заткнись! Я никогда не молюсь.

— В больнице, — безжалостно продолжил он. — Когда сходила с ума от страха, что потеряешь её.

— Заткнись!!!

Он замолчал. С его лица мгновенно слетела вся былая насмешливость — впервые за этот вечер он стал пугающе серьёзным.

— Вот видишь, — тихо произнёс он. — Ты просто не хочешь помнить.

Тишина вернулась.

Тяжёлая, осязаемая, давящая на плечи.

— Ева, ты снова всё ломаешь.

Пауза...

— Но в этот раз...

Он снова бросил взгляд в сторону комнаты, где спала Мира.

— ...я не позволю тебе всё испортить.

В этот самый момент в кармане у Адама требовательно зазвонил телефон.

— Прости, надо ответить, — бросил он Еве и тут же переключился на звонок:

— Да, я занят. Перезвони позже.

— Стой, Адам... — раздался в трубке строгий, но на удивление дружелюбный голос. — Что ты творишь? Тебе нельзя там находиться.

— Вообще-то у меня не было выбора. Он уже переходит все границы.

— Главное — сам удержишься на грани, помнишь?

Адам горько усмехнулся.

— Это твои слова или отец надиктовал, что говорить? Ладно, поговорим позже, я занят, — пробормотал он быстро сбросив вызов.

«Да знаем мы, насколько ты занят», — мысленно хмыкнул человек на том конце провода, глядя на потемневший экран.

Ева замерла не в силах пошевелиться «Что этот псих вообще несёт? И надо же было когда-то так влюбиться, чтобы выбрать в отцы своему ребёнку законченного сумасшедшего...»

— Уходи.

Он коротко кивнул.

— Уже.

Развернувшись, Адам направился к выходу.

Но у самой двери остановился.

Не оборачиваясь, он негромко произнёс:

— И да... В том, что случилось, не совсем твоя вина.

Ева нахмурилась.

— Что?

Он едва заметно повернул голову в её сторону.

— Нас ведь не из-за тебя выставили из «Рая»

Дверь закрылась. Снова воцарилась глухая тишина.

Прошла секунда. И в этот миг внутри неё словно сработал невидимый переключатель. Это была не просто мысль и даже не вспышка воспоминания. Это было нечто гораздо большее.

Музыка. Оглушительная, тяжёлая. Она вибрирует в воздухе и бьёт прямо в грудь. Яркий свет нещадно режет глаза. Чей-то смех...

И посреди всего этого безумия — Ева.

Совсем другая. Настоящая, живая, громкая и абсолютно свободная.

Она заливисто смеётся, запрокидывая голову назад.

— Ты серьёзно привёл меня именно сюда? — кричит она, пытаясь перекричать гул.

Он стоит рядом.

— А что, разве не похоже на рай?

Она закатывает глаза.

— Если это рай, то у меня появились вопросы к здешней системе ценностей.

Он усмехается, глядя на неё с нескрываемым восхищени-

ем.

— Ты вечно во всём сомневаешься, Ева.

— А ты всегда слишком уверен в себе.

— Исключительно в одном — в том, что безумно люблю тебя.

Она искренне, в голос рассмеялась.

— Не самое лучшее место ты выбрал для первого признания!

В ту ночь они без конца танцевали. Слишком много целовались. И выпили невероятное количество коктейлей.

Ева танцует, хмелея с каждой минутой... Свободно, без оглядки на правила. Без привычного контроля. Её движения кажутся слишком вызывающими и смелыми.

— Родная, полегче, на тебя же все смотрят, — с мягкой улыбкой шепчет он ей на ухо.

— И прекрасно! — смеётся она в ответ. — Здесь все так себя ведут!

— Ладно-ладно Может, лучше отвезти тебя домой? Мне кажется, кое-кто уже перебрал.

— Нет уж! Я сегодня закончила первый курс, и между прочим — на отлично! Имеет право прилежная студентка хоть раз побыть плохой девочкой? Сегодня мне можно всё: танцевать, пить, ловить кайф от жизни и снова танцевать!

Ева упивалась собственной неотразимостью. Точнее, это алкоголь внушал ей мысли о полном превосходстве и абсолютной свободе. Не прекращая двигаться в такт музыке по-

среди бурлящей толпы, Ева дерзко расстегнула пару верхних пуговиц на блузке. Адам в этот момент как раз отвлёкся — уткнулся в экран телефона, пытаясь вызвать такси через приложение.

— Эй... — раздалось совсем рядом.

Голос был чужим.

Парень. Весь его вид так и лучился самоуверенностью, граничащей с откровенным надмением.

— Ты одна здесь?

Ева пьяно рассмеялась.

— А ты на это надеешься?

Вместо ответа он лишь ухмыльнулся и шагнул к ней. Слишком быстро, нарушая все границы.

— Я просто подумал, что ты выглядишь... свободной.

— Ошибся, — резко оборвала его она, но улыбка всё ещё не сошла с её лица.

Но незнакомца это не остановило. Музыка вокруг словно стала ещё громче, закладывая уши. Парень бесцеремонно положил ладонь ей на талию, но Ева тут же скинула его руку.

— Не трогай меня.

— Да ладно тебе, расслабься, — усмехается он. — Ты же сама...

Договорить он не успел. Чья-то сильная рука мёртвой хваткой вцепилась в его плечо и с силой рванула назад.

— Она сказала «нет», — ледяным тоном произнёс Адам.

Парень лишь дерзко усмехнулся в ответ:

— А ты у нас кто? Муж?

— Пока нет, — отозвался Адам

Повисла короткая, зловещая пауза.

— Но ты уже зря это начал.

Ева ошеломлённо уставилась на Адама. В её глазах читалось крайнее удивление.

— Да расслабься ты, — примирительно вскинул руки парень. — Я просто...

Договорить он не успел. Хлёсткий, резкий и пугающе чёткий удар прилетел ему прямо в челюсть. Без малейшего предупреждения.

Незнакомец тяжело отшатнулся назад, едва удержавшись на ногах.

Клубная музыка всё также гремела из динамиков, но люди вокруг уже начали оборачиваться, предвкушая зрелище.

— Ты с ума сошёл?! — в панике выкрикнула Ева, хватая Адама за руку, чтобы удержать.

— Напротив, — всё также невозмутимо ответил он. — Я просто быстрее других понимаю, чем обычно заканчиваются такие разговоры.

Парень тыльной стороной ладони вытер хлынувшую из разбитой губы кровь. Ответить он не успел — охрана и друзья уже подхватили его под руки, стремительно оттаскивая в сторону. Но перед тем как скрыться в толпе, он бросил на Адама тяжёлый взгляд и с кривой насмешкой процедил:

— Мы ещё встретимся, приятель.

Пауза...

Адам ничего не ответил. Он лишь молча смотрел незнакомцу вслед — долго, пугающе спокойно.

Как будто... просчитывал его или оценивал.

— Охрана! Сюда! — выкрикнул кто-то в толпе.

Вокруг поднялся шум. Чьи-то чужие, цепкие руки бесцеремонно схватили их обоих, лишая возможности двинуться.

— На выход! Живо!

— Он первый к нам полез! — попыталась заступиться за Адама Ева.

Но её никто не слушал. Секьюрити грубо поволокли их к дверям, и уже через мгновение лицо ударил ночной свежий воздух. На контрасте с душным залом это ощущалось резко, почти как пощёчина.

Придя в себя, Ева с силой вырвала свою руку из хватки Адама.

— Ты вообще нормальный? — возмущённо выдохнула она, пытаясь прийти в себя.

— Вполне, — невозмутимо отозвался он.

— Эта же была просто нелепая ситуация!

— Нет, — спокойно возразил Адам. — Это было начало.

Ева замерла.

— Чего?

Он пристально посмотрел на неё, и в его глазах промелькнуло какое-то странное, новое чувство.

— Начало всего...

Она невольно рассмеялась, и весь её недавний гнев мгновенно испарился.

— Ты всегда такой драматичный?

Адам ласково обнял её за плечи, привлекая к себе.

— Только с тобой...

Кажется, именно в ту секунду она окончательно поняла, что влюбилась по уши...

Ева осталась одна со своими мыслями.

В абсолютной, звенящей тишине.

Перед ней на столе так и лежало нетронутое яблоко.

И вместе с этой тишиной пришло горькое, отчётливое осознание: всё, что она годами выстраивала и считала своей привычной жизнью... прямо сейчас начинает с треском ломаться.

Глава 4

Здание компании VESPER возвышалось над городом, словно гигантский стеклянный монолит.

Слишком правильно. Слишком идеально.

Когда Ева переступила порог, её окутала стерильная прохлада. Внутри её не покидало подсознательное ощущение, будто само окружающее пространство... внимательно за ней наблюдает.

— Вас уже ждут, — приветливо произнесла девушка на ресепшene, застыв в безупречно вежливой улыбке.

Конечно ждут...

Скоростной лифт бесшумно поднял её на самый верхний этаж.

Двери открылись.

Коридор встретил её холодной пустотой. И лишь в самом его конце виднелась приоткрытая дверь кабинета. Сглотнув подступивший к горлу ком, Ева сделала шаг внутрь.

Незнакомец стоял у окна, спиной к ней. Далеко внизу раскинулся город, похожий на статичную, холодную и неуправляемую компьютерную схему. Высота полностью поглощала шум улиц — здесь, на вершине, весь остальной мир казался бесконечно далёким и ненастоящим. На мужчине был безупречный тёмный костюм без единой складки. Однако ни дорогая ткань, ни ровный матовый свет офиса не могли

скрыть пугающую, монументальную силу, которая от него исходила.

Мужчина медленно обернулся.

Острые скулы, хищная линия челюсти, атрацитово-тёмные волосы. Глубокие, почти чёрные глаза посмотрели на Еву в упор. На секунду ей показалось, что этот человек видит её насквозь, — заглядывает в такие потаённые глубины её души, куда никто и никогда раньше не осмеливался смотреть.

И в это самое мгновение привычный ход времени будто... споткнулся.

— Я ждал вас, — негромко произнёс он.

Голос.

Спокойный. Бархатистый. Глубокий.

И.... пугающе знакомый.

Ева замерла, почти перестав дышать.

Сердце глухо и тяжело ударило в рёбра. Она была уверена, что никогда раньше не видела этого человека. И всё же в его интонации сквозило что-то до боли, до дрожи знакомое.

— Вы пригласили меня на работу? — стараясь удержать голос от дрожи, спросила она.

— Я слышан о вас, — Люциан едва заметно наклонил голову. — Нам нужны специалисты вашего уровня.

Он сделал небольшую паузу, и атмосфера в кабинете мгновенно изменилась, став более деловой, но от этого не менее напряжённой.

— Итак, в вашей компетентности сомнений нет, поэтому давайте сразу перейдем к главному. Попробуйте найти уязвимость в моей системе, — произнёс он. В его негромком тоне отчётливо слышалось, что он вкладывает в это задание несколько смыслов одновременно.

Люциан не отводил от неё пристального, изучающего взгляда.

— Начнём? — спокойно предложил он и жестом указал на рабочее место.

Несколько массивных мониторов уже светилось в полумраке кабинета. Чёрный фон. Мерцающие неоновые строки кода. Живые. Подвижные.

Ева сделала глубокий вдох и села в кресло.

Пальцы привычно, со знакомым щелчком легли на клавиши. И в то же мгновение весь остальной мир, включая гнетущие страхи, просто перестал для неё существовать.

Система Люциана была странной. На первый взгляд — пугающе, безупречно идеальной. Но чем глубже Ева погружалась в хитросплетения программного кода, тем отчётливее интуиция подсказывала ей: здесь что-то не так.

— Вы оставили это специально, — негромко произнесла она, даже не глядя в сторону собеседника. Её глаза неотрывно следили за бегущими строками на экране. Люциан едва заметно склонил голову к плечу, на его губах промелькнула загадочная улыбка.

— Возможно.

Ева слегка прищурилась, принимая вызов.

Она уверенно преодолела первый слой защиты: — он оказался невероятно сложным, но подчинился строгой человеческой логике. Второй слой заставил её попотеть: он был адаптивным, живым, способным обучаться прямо на ходу. На третьем рубеже она была вынуждена замереть.

Секунда.

Ещё одна, бесконечная долгая...

И вдруг среди монолитных цифровых стен мелькнула едва заметная, ювелирная брешь. Настолько крошечная и аккуратная, что любой рядовой специалист прошёл бы мимо, даже не обратив внимания. На губах Евы заиграла торжествующая улыбка.

— Нашла.

Её пальцы стремительно выбили финальную команду... а затем послушно выдала полный доступ.

— Прекрасно, — вкрадчиво произнёс Люциан. Он плавно откинулся на спинку кожаного кресла и нетерпеливо сцепил пальцы в замок.

— Вы отлично справляетесь и, без сомнения, нам подходите. Пожалуй, даже лучше, чем я ожидал, — его голос звучал мягко, но в нём отчётливо угадывалась привычка отдавать приказы. — От вас мне понадобится полная вовлечённость. Порой придётся задерживаться допоздна. Разумеется, сверхурочные будут щедро оплачены. Вы готовы к такому ритму? И напомним: каково ваше семейное положение?

Муж? Дети?

Ева опустила взгляд, чувствуя, как земля уходит из-под ног. События развивались слишком стремительно. Она-то настраивала себя на дежурное, безличное: «Мы изучим вашу кандидатуру и свяжемся с вами в течение недели».

— Да, у меня дочь, ей семь, — Ева заговорила быстрее, чем следовало. — До сих пор я работала удалённо, на дому, но сейчас экстренно ищу няню — нагрузка выросла, я перестала справляться сама. Правда, девочка у меня с характером, ладит далеко не со всеми, но я планирую...

Она резко осеклась, мысленно выругав себя за минутную слабость. С чего вдруг она разоткровенничалась перед едва знакомым мужчиной? Какое ему дело до её домашних трудностей и чужих детских капризов?

Однако собеседник не выказывал скуки. Напротив, он слушал её с пугающим, почти гипнотическим вниманием. В уголках его губ затаилась едва заметная улыбка.

— Вы нужны нам немедленно, — произнёс он, и в его интонации промелькнуло что-то собственническое. — В идеале — прямо с завтрашнего утра. Но я, конечно, не варвар и готов дать вам пару дней, чтобы уладить семейные дела. Поиск человека, которому доверяешь ребёнка, — задача тонкая. Впускать в дом незнакомцев опасно.

От такой проницательности Ева окончательно растерялась.

— Спасибо... Спасибо за понимание, — тихо выговорила

она. Сердце предательски застучало где-то в районе горла.

Люциан улыбнулся — открыто, хищно и одновременно интригующе.

— Вы так взволнованы, что даже забыли спросить о главном — об окладе, — хмыкнул он, откидываясь на спинку кресла. — Что ж, возьму инициативу на себя. Наша компания умеет ценить редкие кадры. Мы предложим вам цифру, которая позволит нанять не просто няню, а личного шофёра и целую команду стилистов в придачу. Хотя... — он скользнул по ней оценивающим, но неумовимо тёплым взглядом, — такой очаровательной женщине, как вы, услуги стилиста явно ни к чему.

Ева промолчала, не зная, куда деть руки.

«Интересно, это была неуклюжая попытка сделать комплимент или он просто так специфически шутит?» — пронеслось у неё в голове.

— Мне и шофёр не нужен, я предпочитаю сама быть у руля, — отрезала Ева чуть резче, чем собиралась. И лишь секунду спустя, поймав его взгляд, осознала двусмысленность собственных слов.

— Не сомневаюсь, — отозвался Люциан с абсолютно серьёзным видом, хотя в глубине его глаз промелькнула смешинка, а уголки губ едва заметно дрогнули.

Он вернулся к своему столу и сел с таким невозмутимым видом, будто они обсуждали прогноз погоды, а не личные границы. Щёлкнув дорогой ручкой, Люциан раскрыл следу-

ющую папку, мгновенно переведя разговор в сугубо деловое русло:

— Я правильно понимаю, что ваш основной профиль — это аналитика?

Ева уже открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь кабинета бесцеремонно распахнулась. На пороге появился молодой сотрудник. Он тяжело дышал и заметно нервничал, комкая в руках какие-то распечатки.

— Простите, сэр, но серверы снова дали сбой! Отдел маркетинга...

— Я просил не входить без разрешения, — негромко перебил Люциан.

Он даже не повысил голоса, но от этой обманчиво спокойной, ледяной интонации воздух в кабинете словно мгновенно сгустился и стал тяжёлым. Парень осёкся на полуслове, так и замерев с открытым ртом.

Люциан медленно поднял на него взгляд.

— Если проблема повторилась дважды, это означает лишь одно: вы либо проигнорировали мои указания, либо просто не способны их выполнить. Какой из вариантов верный?

Сотрудник побледнел так, что на лице проступили веснушки.

— Сэр, мы просто...

— «Просто» — худшее слово для оправданий, — отчеканил Люциан, и в его голосе звякнул металл. — У вас есть ровно десять минут, чтобы всё исправить. Если не успеете,

можете больше не возвращаться в этот офис. Свободны.

В кабинете повисла звенящая, удушливая тишина.

— Понял, сэр, — едва слышно прошептал парень и поспешно ретировался, тихо прикрыв за собой дверь.

Люциан снова перевёл взгляд на Еву. Тяжёлая аура автократа испарилась так же стремительно, как и появилась. Он непринуждённо откинулся на спинку кресла и мягко улыбнулся:

— Прошу прощения за эту сцену. На чём мы остановились?

Ева едва нашла в себе силы кивнуть. Её поразила даже не его жёсткость — в крупных корпорациях это нередкость. Пугало то, с какой пугающей лёгкостью он переключался между ролями. Словно внутри этого человека уживались две абсолютно разные личности, разделённые глухой стеной.

И почему-то именно это насторожило её сильнее всего.

Глава 5

Вечер мягко ложился на комнату, окрашивая стены тёплым золотистым светом. Ева чуть нервно поправила волосы и бросила быстрый взгляд на дверь — звонок раздался ровно в назначенное время. Точность незнакомки интриговала.

Она открыла дверь.

На пороге стояла молодая женщина, и Ева тут же поймала себя на мысли, что представляла её себе совсем иначе. Перед ней была не просто няня. Пожалуй, она была... слишком выразительна для этой роли.

Тёмные, почти чёрные волосы мягкими волнами спадали на плечи. Взгляд — глубокий, пронизательный, словно она видела гораздо больше, чем показывала. На губах играла лёгкая улыбка — тёплая, но с едва уловимым, острым привкусом тайны.

— Здравствуйте, — мягко произнесла гостя. — Я Лилиан, но друзья обычно зовут меня Лилит.

Ева на секунду замерла, поражённая этим именем. Почему-то в груди шевельнулось смутное беспокойство, но одновременно с этим накатила странная волна спокойствия. Контраст чувств сбивал с толку.

— Проходите, — кивнула она, отступая в сторону.

Лилит вошла уверенно, но без лишней навязчивости. В её плавных, почти кошачьих движениях чувствовалась скрытая

грация. Казалось, она с первого же шага безошибочно «почувствовала» и подчинила себе пространство квартиры.

И именно в этот момент из глубины комнаты выглянула Мира.

Маленькая, настороженная... и безумно любопытная.

Их взгляды встретились. И в воздухе словно проскочила невидимая искра — что-то неуловимо изменилось.

Лилит плавно присела, чтобы оказаться на одном уровне с ребёнком, но не стала приближаться слишком резко, уважая чужие границы.

— Привет, — негромко сказала она, и её голос прозвучал удивительно певуче. — Ты Мира?

Девочка несмело кивнула.

— А ты любишь рисовать? — Лилит скользнула взглядом чуть ниже, заметив зажатые в маленьких пальчиках фломастеры.

Глаза Мира тут же загорелись неподдельным интересом.

— Да! Я рисую принцесс... деревья... и ещё дом! — воскликнула девочка.

— Дом? — Лилит улыбнулась, и в её голосе зазвучал искренний интерес. — А кто в нём живёт?

Мира на секунду задумалась, разглядывая мыски своих туфелек.

— Я... мама... и папа иногда...

Ева внутренне напряглась, готовая к неловким вопросам, но Лилит даже не посмотрела в её сторону. Всё её вни-

мание по-прежнему принадлежало только ребёнку.

— Значит, это очень особенный дом, — тихо, почти заговорщически произнесла она. — Раз в нём живёшь ты.

Мира расплылась в улыбке. И это была уже не просто детская вежливость — это было чистое, безоговорочное доверие.

Лилит аккуратно, кончиками пальцев приняла из рук девочки лист бумаги.

— Покажешь, как ты рисуешь деревья? Я бы очень хотела у тебя научиться.

— Правда? — удивилась Мира, широко распахнув глаза.

— Конечно. Уверена, у тебя это получается гораздо лучше, чем у меня.

Мира засмеялась — звонко, заливисто и так свободно, будто знала Лилит всю свою жизнь.

Ева наблюдала за ними со стороны, прислонившись к дверному косяку. Что-то в этой сцене казалось... слишком идеальным. Почти гипнотическим. Но вместе с лёгким уколом тревоги она почувствовала огромное, непередаваемое облегчение. Мира росла замкнутой и крайне редко открывалась чужакам. А сейчас...

Сейчас малышка уже всю тянулась к Лилит. Она наперебой показывала свои рисунки, что-то быстро и увлечённо рассказывала, то и дело перебивая саму себя от избытка чувств.

Но стоило Мире на секунду отвернуться, чтобы достать со

стола новый альбом, как маска Лилит соскользнула.

Взгляд её глаз мгновенно изменился. Он стал ледяным, пугающе глубоким, и в нём отчётливо мелькнуло что-то расчётливое, даже хищное. Лилит медленно перевела глаза на замершую Еву.

На её губах заиграла едва заметная, торжествующая улыбка. Словно она произнесла без слов:

«Я уже внутри».

Мира, увлечённая новыми «уроками рисования», уже устроилась на полу, вовсю шурша фломастерами. Лилит позволила ей с головой уйти в свой маленький мир, а сама плавно, беззвучно поднялась.

Ева жестом пригласила её на кухню.

— Давайте немного поговорим, — тихо сказала она, бросив прощальный взгляд на погружённую в творчество дочку.

Лилит понимающе кивнула и последовала за хозяйкой. Она двигалась всё так же спокойно, уверенно, будто этот дом и его планировка были ей давно знакомы.

Они сели за стол друг напротив друга. На секунду в воздухе повисла плотная, звенящая пауза, нарушаемая лишь далёким скрипом фломастеров из гостиной.

— Она у вас... особенная, — первой нарушила молчание Лилит, мягко и располагаяще улыбнувшись. — Очень чувствительная. И невероятно наблюдательная.

Ева слегка удивилась такой проницательности.

— Да... Вы удивительно быстро это заметили.

— Такие дети чувствуются сразу, — Лилит чуть наклонила голову набок, отчего тёмная прядь скользнула ей на лицо. — Она не просто играет. Она проживает каждый сюжет. Фантазирует гораздо глубже, чем может показаться со стороны.

Ева почувствовала, как внутреннее напряжение, сковывавшее её весь вечер, наконец начинает отпускать. В голосе Лилит не было дежурной фальши — только тёплая, обволакивающая уверенность.

— Иногда с этим сложно, — призналась она, подавшись этому странному доверию. — Мира может намертво закрыться в себе... если её что-то тревожит. Или если человек ей не нравится.

Лилит на мгновение задумалась, словно взвешивая каждое слово.

— Но меня она приняла, — тихо, почти шёпотом произнесла она.

В её тоне не было ни капли хвастовства. Скорее — сухая, непреложная констатация факта.

Ева улыбнулась, ощущая, как с души свалился огромный камень:

— Да... это правда. Обычно ей требуется много времени, чтобы подпустить к себе кого-то чужого.

— Я не стану давить на неё, — пообещала Лилит, преданно глядя Еве в глаза. — Но и не оставлю одну в её переживаниях. С такими детьми жизненно важно быть рядом... да-

же когда они изо всех сил делают вид, что ни в ком не нуждаются.

Ева внимательно посмотрела на неё, поражённая тем, как точно эта женщина сформулировала её собственные материнские страхи.

— А что ей больше всего нравится? — спросила Лилит, мягко переводя разговор в новое русло. — Кроме рисования, конечно.

— Сказки, — ответила Ева. — Но не обычные, из книжек. Она любит сочинять свои собственные. И... иногда задаёт очень странные вопросы.

— Например? — в голосе Лилит мелькнул неподдельный интерес.

— Про добро и зло... Про то, почему люди обманывают друг друга... — Ева чуть усмехнулась, качнув головой. — Для её возраста это... неожиданно.

Лилит улыбнулась, но в глубине её глаз вспыхнуло что-то тёмное и пугающе глубокое.

— Значит, она уже чувствует правду, — тихо обронила она.

Ева не сразу поняла, что именно в этой короткой фразе её задело. Но по коже пробежал едва заметный холодок. На секунду на кухне повисла плотная, осязаемая тишина.

Из гостиной донёсся звонкий голосок Миры:

— Лилит, смотри, какое дерево я нарисовала!

Лилит повернула голову на звук, но не поспешила встать.

Сначала она снова посмотрела на Еву. Прямо. Спокойно. И так уверенно, словно исход этой встречи был предreshён за-долго до её начала.

— Если вы позволите... я могу стать для неё кем-то большим, чем просто няней, — негромко произнесла она. — Я действительно умею находить подход к таким детям.

Ева сделала глубокий вдох. Внутри боролись два полярных ощущения — странное, убаюкивающее спокойствие и тонкая, как игла, тревога. Но, глядя на счастливую Миру, на то, как легко девочка потянулась к этой загадочной женщине... Решение будто пришло само собой, вытеснив все сомнения.

— Я буду очень рада, если вы согласитесь работать у нас, — сказала Ева.

И в то же мгновение Лилит улыбнулась. Тепло, почти нежно, словно празднуя маленькую победу.

— Тогда я останусь.

Где-то в глубине квартиры Мира снова беззаботно засмеялась.

А Ева ... Ева отчётливо почувствовала, как в её доме что-то изменилось. Не резко. Не заметно. Но... необратимо.

Глава 6

Прошло две недели.

Дом будто привык к присутствию Лилит. Ева стала спокойнее, Мира — веселее, а сама няня словно незаметно вплелась в их будни так естественно, будто всегда была частью этой маленькой семьи.

Ева с Лилит уже перешли на «ты». Они сблизились особенно сильно после того, как Лилит поделилась своей личной драмой. Она тихо поведала, что не может иметь детей, и именно в профессии находит утешение, без остатка отдавая себя чужим малышам. Так она отчасти компенсировала нереализованное материнство и заботилась о подопечных как о родных — если бы они у неё были...

Ева больше не называла её Лилиан. Раз уж для друзей она была Лилит, то теперь это имя прочно закрепилось за ней. Она действительно стала настоящим другом и для Евы, и для её дочери.

Школьный двор постепенно пустел. Родители и бабушки разбирали детей, повсюду слышались звонкие голоса, смех и хлопанье автомобильных дверей у ворот.

Лилит стояла чуть в стороне, безупречно спокойная, и внимательно наблюдала за потоком выходящих учеников.

Мира выбежала на крыльцо одной из первых, с рюкзаком, съехавшим на одно плечо. Но её личико было сердитым и

нахмуренным.

— Что случилось? — мягко спросила Лилит, перехватывая её руку и забирая тяжёлый ранец.

Мира взволнованно пробормотала, шмыгнув носом:

— Джек опять дразнил меня. Сказал, что я странная... и что со мной никто никогда не будет дружить.

Лилит плавно присела перед ней, чтобы смотреть девочке прямо в глаза. Её взгляд был тёплым, но в нём сквозила какая-то гипнотическая сила.

— И что ты почувствовала? — тихо спросила она.

— Злость... — выдохнула Мира, и её кулачки крепко сжались.

— Это нормально, — тихо сказала Лилит, аккуратно убирая выбившийся локон за ушко девочки. — Иногда обидчиков нужно учить.

Мира недоверчиво нахмурилась:

— Но как?

Уголки губ Лилит дрогнули в едва заметной, загадочной улыбке.

— У тебя есть сила, Мира. Гораздо больше, чем ты думаешь. Иногда достаточно просто... очень сильно захотеть справедливости.

Мира инстинктивно обернулась, ища глазами своего обидчика. В этот самый момент Джек, громко смеясь в компании друзей, сломя голову побежал к воротам. И вдруг резко, пронзительно вскрикнул. Его нога неестественно подвер-

нулась, он потерял равновесие и с размаху полетел прямо на жёсткий асфальт. Позади него с тихим стуком отлетел в сторону небольшой серый камень.

— Джек! — к нему тут же бросилась испуганная мать. Она помогла плачущему сыну подняться и сердито отчитала: — Сколько раз тебе говорить — смотри под ноги!

— Но тут не было камня! — сквозь слёзы возмутился мальчик, морщась от резкой боли в лодыжке. — Клянусь, его тут не было!

Мира застыла, не в силах пошевелиться. Сердце в её груди испуганно замерло. Она медленно, со страхом и благоговением перевела взгляд на няню. Лилит стояла абсолютно спокойно, словно вокруг неё не происходило ничего необычного. И только в глубине её тёмных глаз мелькнула торжествующая тень улыбки.

— Это... я? — едва слышно прошептала Мира.

Лилит наклонилась к самому её уху, обдав тёплым дыханием:

— Ты просто захотела справедливости.

— Мама не одобрит... — Мира растерянно захлопала ресницами. — Она ни за что не поверит. Как мне ей обо всём рассказать?

— Маме не обязательно знать об этом, — мягко, но непреклонно перебила Лилит.

— Но...

— А я тебе верю, — тихо, заговорщически произнесла

Лилит. — И хочу, чтобы ты тоже верила себе.

Мира промолчала, переваривая случившееся. В её маленькой головке рушился привычный мир.

Лилит ласково взяла её за руку и повела прочь со школьного двора к припаркованной машине.

— Запомни одно, малышка: если кто-то причиняет тебе боль, он должен платить цену за свои поступки.

Слова Лилит прозвучали спокойно. Почти ласково. Но от этой вкрадчивой интонации по спине пробежал настоящий мороз.

Тем временем на другом конце города, у стеклянных дверей высотки, где располагался офис компании, сгущались совсем другие сумерки. Адам стоял у самого выхода, зажав в руке букет белых роз. От долгого ожидания он уже начал нервно мять пальцами обёртку, ломая сочные зелёные стебли.

Он не сводил напряжённого взгляда с массивных дверей, ловя каждое отражение в зеркальных стёклах. Смартфон был до боли прижат к уху.

— Я должен ей всё рассказать, — глухо, сдерживая подступающую ярость, бросил он в трубку. — Иначе я потеряю её. Окончательно и навсегда.

Голос на другом конце провода оставался ледяным и размеренным:

— Отец просил тебя не вмешиваться. Ты нарушаешь договор.

Адам до хруста стиснул челюсти, на его скулах заиграли желваки.

— Это моя жизнь. И моя женщина.

— Ты прекрасно знаешь, что отец так не считает. Для него мы все лишь фигуры на доске.

— Мне плевать, что считает отец! — прорычал Адам, привлекая к себе случайные взгляды прохожих.

На секунду в трубке повисла тяжёлая, зловещая пауза. А затем собеседник тихо, почти с жалостью произнёс:

— Слишком поздно, Адам. Некоторые решения уже приняли за тебя. Не совершай глупостей.

Короткие гудки оборвали нить разговора. Адам медленно опустил руку с телефоном. В этот самый миг автоматические двери компании бесшумно разъехались в стороны.

На крыльцо вышла Ева.

В лучах заходящего солнца она выглядела потрясающе, но в её осанке чувствовалась глухая усталость. Адам сделал резкий шаг вперёд, преграждая ей путь.

— Ева... — его голос сорвался.

Она вздрогнула и остановилась, словно наткнувшись на невидимую стену. Адам жадно всматривался в её лицо, пытаясь найти хоть каплю прежней нежности, но взгляд Евы оставался абсолютно холодным. В нём не было тепла. Не было радости. Только бесконечные, тяжёлые вопросы и глухая обида.

Несколько секунд они просто стояли посреди людского

потока и молча смотрели друг на друга, разделённые пропастью недосказанности.

— Ева... — тихо, почти умоляюще произнёс он.

Она сделала несколько шагов навстречу, но остановилась на безопасном расстоянии, словно между ними была проведена невидимая черта.

— Что ты здесь делаешь, Адам? — её голос прозвучал ровно, но в нём сквозила звенящая сталь.

Адам несмело протянул ей букет:

— Жду тебя.

Ева даже не взглянула на розы. Её руки остались безжизненно висеть вдоль тела.

— Дай мне один вечер, — быстро, боясь, что она уйдёт, заговорил он. — Всего один ужин. Я всё объясню.

— Всё? — сдержанно, с горькой усмешкой переспросила Ева. — Ты исчез на восемь лет, Адам. Просто испарился. А теперь появляешься на пороге моей работы с охапкой цветов и говоришь, что готов объяснить «всё»?

— Да.

— Почему именно сейчас? — Ева сделала шаг вперёд, и её глаза сузились. — К чему такая спешка? Может, стоило дождаться совершеннолетия Миры? Куда торопиться? — Она была наотмашь, стремясь уколоть его как можно больнее, выместить всю ту изнуряющую боль, которую несла в одиночестве эти годы.

Имя дочери заставило Адама вздрогнуть. По его лицу

пробежала судорога, но он упрямо выдохнул:

— Потому что только сейчас я понял, что могу потерять тебя окончательно.

— Ты потерял меня восемь лет назад, — отрезала Ева.

Эти слова сорвались с её губ прежде, чем она успела их обдумать, и ударили по обоим сильнее, чем она ожидала. Воздух между ними словно стал дефицитом.

Адам сделал шаг ближе, нарушая её личные границы. От него пахло знакомым парфюмом и морозной тревогой.

— Тогда дай мне шанс хотя бы попытаться всё исправить.

Она всматривалась в его до боли знакомые черты. В его лице сейчас не было глянцевої маски — только пугающе настоящее, обнажённое чувство. Глубокая усталость под глазами, жёсткое напряжение в плечах... и страх. Настоящий, животный страх потерять её навсегда.

— И что же ты собираешься мне рассказать? — уже тише спросила она.

— Почему я тогда ушёл.

— Это я уже слышала, Адам. Твоё исчезновение сказало мне более чем достаточно.

— Нет, — качнул он головой, и в его глазах блеснула отчаянная решимость. — Ты слышала только моё вынужденное молчание. Теперь ты услышишь правду.

Ева резко отвела взгляд в сторону, не в силах выносить этот пронзительный напор. Сердце предательски заныло.

— Правда бывает запоздалой, Адам. Иногда она превра-

щается в ненужный хлам.

— Но она всё ещё может что-то изменить, — горячо возразил он.

Она невольно усмехнулась — горько, без намёка на веселье.

— Ты всегда был уверен, что можешь всё исправить красивыми словами, — тихо произнесла она, глядя куда-то мимо него.

— Сегодня красивых слов не будет. Только факты, — пообещал Адам.

Он протянул руку ладонью вверх — не касаясь её, не принуждая, а просто предлагая выбор.

— Поужинай со мной, Ева. Всего один раз. Если после этого ты скажешь, что не хочешь меня видеть, я клянусь: я больше никогда не появлюсь в твоей жизни без твоего на то желания.

Ева долго молчала. Шум улицы словно отдалился, заглушённый стуком её собственного сердца. Она взвешивала каждый свой шаг, понимая, что ступает на тонкий лёд.

— Только ужин, — наконец глухо согласилась она. — И только чистая правда. Без недоговорок.

— Договорились.

Она крепче сжала ремешок сумочки и пошла рядом с ним к припаркованному у обочины автомобилю. Адам привычным, до автоматизма отточенным движением распахнул перед ней пассажирскую дверь — точно так же, как делал это

много лет назад. И эта мимолётная забота неожиданно больно кольнула старой памятью. Внутри у Евы всё перевернулось.

Когда машина мягко тронулась с места и влилась в вечерний поток, Ева повернула голову к окну, бездумно разглядывая бегущие мимо витрины. Она даже не догадывалась, что в этот самый момент из панорамного окна верхнего этажа элитного здания корпорации VESPER за их удаляющимся автомобилем внимательно наблюдают.

Люциан стоял у окна. В его руке медленно остывал янтарный виски в тяжёлом хрустальном бокале. Смартфон, прижатый к уху, транслировал тихие помехи, прежде чем в динамике раздался глубокий мужской голос:

— Состояние ухудшается.

Люциан на секунду прикрыл глаза, его лицо оставалось непроницаемым.

— Насколько всё серьёзно?

— Врачи не дают никаких гарантий. Счёт идёт на часы.

В просторном кабинете повисла тяжёлая, звенящая тишина. Собеседник немного помедлил и напряжённо продолжил:

— Люциан, если полиция или родственники начнут копать и проведут полное расследование, могут возникнуть очень ненужные нам вопросы. Историю не удастся замять так просто.

Люциан сделал медленный глоток, смакуя обжигающий

алкоголь, и с негромким стуком поставил бокал на полированный стол.

— Вопросы возникают всегда, — равнодушно отозвался он, и в его глазах блеснул холодный опасный огонёк.

— Но ответы бывают разные, — многозначительно парировал голос в трубке.

На губах Люциана появилась едва заметная, хищная усмешка. Он снова повернулся к окну, всматриваясь в сумерки мегаполиса.

— И что говорят наши специалисты?

— Они уже нашли зацепку. У объекта обнаружены признаки врождённой сосудистой патологии. Есть большая вероятность, что официальной причиной смерти назовут именно её. Естественные причины, понимаешь?

— Вероятность? — Люциан требовательно приподнял бровь.

— Очень высокая, — заверил собеседник. — Практически стопроцентная. Ниточки к нам не приведут.

Люциан несколько секунд задумчиво разглядывал собственное бледное отражение в панорамном стекле.

— Этого достаточно, — наконец произнёс он, и его голос прозвучал удивительно мягко. — В таком случае всё будет выглядеть как естественное развитие событий.

— Так оно и должно выглядеть, — подтвердил собеседник.

В трубке повисло короткое молчание, прерываемое лишь

едва слышным шуршанием медицинских приборов на том конце провода.

— Есть ещё что-нибудь, о чём мне следует знать? — осведомился Люциан.

— Нет. Всё под контролем. Остальное врачи сделают сами.

Люциан едва заметно кивнул, хотя напарник не мог его видеть:

— Хорошо.

Он завершил вызов и небрежным жестом бросил телефон на полированную поверхность стола. Ещё какое-то время он неподвижно стоял у окна, наблюдая, как на город стремительно опускается душная ночь. Затем его взгляд скользнул к лежащей на краю стола кожаной папке — той самой, которую он изучал перед прерванным собеседованием с Евой.

Он открыл её, быстро пробежал глазами несколько страниц с плотными колонками цифр и личными данными, а затем резко захлопнул. Будто окончательно убедился, что каждая деталь его плана находится именно там, где ей надлежит быть.

За окном, расколов потемневшее небо над мегаполисом, беззвучно сверкнула ослепительная молния. Лишь мгновение спустя стёкла кабинета едва заметно завибрировали от глухого, далёкого раската грома.

Люциан усмехнулся одним уголком губ, и эта улыбка больше походила на оскал хищника.

— Иногда судьбе нужно немного помочь, — тихо, почти интимно произнёс он в звенящую пустоту огромного кабинета.

И если бы в этот миг кто-то находился рядом, он ни за что не смог бы сказать наверняка: шутил этот человек или говорил со смертельной, пугающей серьёзностью.

Глава 7

Ресторан был полупустым и тихим, с приглушённым янтарным светом и едва слышной, убаюкивающей джазовой музыкой. За огромными панорамными окнами шумел и мерцал огнями дождливый ночной город, но внутри, за их угловым столиком, воздух казался густым и наэлектризованным от напряжения.

Ева почти не притронулась к ужину. Изысканные блюда на тарелке успели полностью остыть. Она сидела идеально прямо, скрестив руки на груди, и гипнотизировала Адама холодным взглядом.

— Ты обещал мне чистую правду, — напомнила она, прерывая затянувшееся молчание. — Я слушаю. Говори.

Адам долго и неотрывно смотрел в свой бокал с водой, словно пытался разглядеть на дне остатки угасающего мужества или просто собирался с силами.

— После того вечера в клубе... восемь лет назад... всё изменилось бесповоротно, — глухо начал он.

Ева слегка нахмурилась, в её памяти замелькали обрывки воспоминаний:

— Какого именно вечера?

— В «Раю».

Ей не нужно было ничего объяснять, она сразу всё вспомнила. Слишком отчётливо. Оглушающая музыка, вспышки

неонового света, молодая, безумно влюблённая Ева, терпкий алкоголь, горячие поцелуи на танцполе... и внезапная драка, которой всё закончилось.

— После той ночи со мной начали происходить пугающие, странные вещи, которые я никак не мог объяснить, — продолжил Адам, и его голос едва заметно дрогнул.

— Сначала это были просто сны. Кошмары. Но потом они превратились в нечто большее. Накатили воспоминания.

— Воспоминания? — Ева недоверчиво приподняла бровь. — О чём?

— О жизнях, которые я уже когда-то прожил.

Ева замерла, решив пока не перебивать его и дать высказаться до конца.

— Я видел совершенно разные эпохи, — Адам заговорил быстрее, его пальцы крепче сжали ножку бокала. — Разные времена. Разные города. У меня были другие имена, другие лица. Но в каждой из этих историй, Ева... в каждой до единой была ты.

Она медленно откинулась на мягкую спинку стула, её лицо превратилось в непроницаемую маску.

— Серьёзно? — ледяным тоном спросила она.

— Нас звали по-разному, — упрямо повторил он, ловя её взгляд. — Мы выглядели иначе, но это были мы. Наша суть. Наши души.

— И чем же заканчивались эти твои... исторические хроники?

Адам наконец поднял голову. В его глазах отразился весь накопленный за восемь лет ужас.

— Плохо, Ева. Всегда очень плохо. Смертью.

На секунду между ними повисла такая оглушительная, плотная тишина, что стал слышен шорох дождя по стеклу.

— Ты вообще понимаешь, как всё это звучит со стороны? — сдерживая подступающий гнев, тихо спросила Ева.

— Понимаю. Поверь мне, лучше, чем кто-либо.

— Нет, Адам, не понимаешь, — отрезала она, и её голос опустился до опасного шёпота. — Это звучит как бред сумасшедшего или сценарий дешёвого фантастического фильма. Ты бросил меня беременной ради... порции плохих снов?

Он пропустил её жестокую колкость мимо ушей, слишком поглощённый собственной исповедью.

— Я действительно начал терять связь с реальностью, Ева. Иногда я просыпался посреди ночи и часами не мог вспомнить, кто я такой. Где нахожусь. Какой сегодня год и какая из всех этих чёртовых жизней — настоящая. Мой разум просто плавился.

Ева скептически усмехнулась, окинув его оценивающим взглядом:

— Адам, ты случайно... не балуешься какими-нибудь запрещёнными веществами? Это бы многое объяснило.

— Не говори глупостей, Ева! — резко выдохнул он, и в его глазах вспыхнула обида. — И я никогда не был более серьёзен, чем сейчас.

— Пока что глупости я слышу исключительно от тебя, — устало выдохнула Ева, скрестив пальцы на столе. — Ладно, продолжай, раз уж мы начали этот сеанс фантастики. Что было дальше? Тебя спасли тёмные хранители прошлых жизней? Или выдали межгалактический паспорт?

Адам раздражённо выдохнул через нос, едва сдерживая эмоции от её едкого сарказма.

— Мне помогли, Ева. Сам бы я не справился. Меня буквально собирали по кускам.

— Кто? Кто этот благодетель?

Он внезапно замолчал, отведя взгляд в сторону окна. Отрезанный кусок шторы бросал тёмную тень на его лицо.

— Я... пока не могу сказать тебе его имя, — глухо обронил он.

— Ну разумеется, — Ева горько и предсказуемо рассмеялась. — Как же иначе.

— Это не игра, Ева! — Он резко подался вперёд, отчего приборы на столе тихо звякнули. — Всё гораздо серьёзнее, чем ты думаешь.

Она тоже наклонилась ближе, так что между их лицами осталось всего пара десятков сантиметров. В её глазах зажглось опасное, холодное пламя.

— Видишь ли, Адам... Человек, который действительно пришёл сказать правду, не прячет половину истории в карман. Он выворачивает душу наизнанку. А ты снова юлишь.

Он так сильно сжал кулаки, что костяшки пальцев побе-

лели.

— Я ушёл только потому, что искренне думал, что так спасу тебя! — отчаянно выдохнул он.

— От чего? От себя самого? От того, что тебе наскучил наш роман?

— От того, что происходит с нами каждый божий раз, когда мы вместе! От финала, который предreshён!

Ева медленно, разочарованно покачала головой, отстраняясь.

— Знаешь, что я обо всём этом думаю? — Её голос зазвучал тише, но стал свирепым и жёстким, как арктический лёд.

Адам покорно молчал, готовый принять любой удар.

— Ты фантазёр, Адам. — Первое слово упало между ними тяжёлым камнем. — И обыкновенный слабак.

Эти слова попали точно в цель. По лицу Адама пробежала едва заметная судорога, словно от физической боли.

— Ты просто трусливо сбежал, — продолжала Ева, выплёскивая всё, что копилось в ней долгие восемь лет одиночества и слёз по ночам. — Не смог взять на себя ответственность за меня, за будущего ребёнка. Не смог быть рядом, когда был жизненно необходим. А теперь, спустя годы, ты пришёл и на ходу сочинил эту красивую, мистическую легенду, просто чтобы не признавать одну простую, уродливую правду: ты струсил.

— Это не легенда... — хрипло, почти беззвучно повторил он.

— Тогда докажи мне это. Прямо сейчас. Дай мне хоть одно реальное доказательство, кроме твоих слов.

Адам открыл рот, собираясь что-то сказать, но так и не произнёс ни звука. Ему было нечего предъявить. И этот беспомощный жест ответил за него обо всём.

Ева медленно, с достоинством поднялась со своего места, поправляя подол пиджака.

— Вот именно. У тебя ничего нет.

Она решительным жестом перекинула ремешок сумки через плечо.

— Больше никогда не появляйся в нашей жизни, — отрезала Ева.

— Ева, пожалуйста... — Адам попытался приподняться, но её взгляд пригвоздил его к месту.

— Нет. Всё кончено.

Она посмотрела на него так, словно с глухим стуком закрывала перед его носом тяжёлую железную дверь. Окончательно и бесповоротно.

— Ни в моей жизни, Адам. Ни в жизни Миры. Забудь дорогу к нам.

Она развернулась и стремительно пошла к выходу, растворяясь в полумраке ресторанного зала.

Адам остался сидеть неподвижно, уставившись в одну точку. Легкомысленный джаз продолжал тихо играть из скрытых динамиков. Официанты с вежливыми улыбками лабирировали между редкими столиками. Вокруг текла обычная,

сытая жизнь, а внутри Адама с оглушительным грохотом рушился весь его мир, который он так отчаянно пытался склеить.

Позже ночью он оказался в каком-то полузаброшенном баре на окраине.

Заведение было почти пустым. Адам сидел у запотевшего окна, бессмысленно вращая в пальцах тяжёлый стакан с виски, уже потеряв счёт выпитому. Разговор с Евой завершился несколько часов назад, но в его голове набатом продолжали бить её хлёсткие, безжалостные слова.

Или... не только её?

На мгновение сквозь стойкий запах дешёвого табака и дезинфекторов Адам отчётливо почувствовал резкий, пронзительный аромат моря. Совсем не того, что омывало этот континент, — другого, древнего и дикого.

Хлёсткий солёный ветер трепал непривычно длинные, густые волосы Евы. Она стояла на деревянном носу старого парусного корабля, её лицо было подставлено солнцу, и она заливисто, счастливо смеялась. Тогда она была совсем другой. Или это измученный разум подсовывал ему фальшивые кадры?

Картина мгновенно рассыпалась брызгами.

На её месте соткалась новая, овеванная лютым холодом. Приземистый каменный дом, затерянный высоко в горах.

Зима. За узким окном беснуется седая метель, а у сложенно-го из валунов очага сидит Ева в длинном шерстяном платье и что-то сосредоточенно шьёт при свете лучины. Сам Адам стоит на пороге, затягивая ремни походного плаща, и обещает ей скоро вернуться. Навсегда вернуться.

«Почему... почему я тогда не остался дома? Почему оставил её одну?»

Вопрос болезненным уколом возник сам собой, но Адам, как ни пытался, не мог вспомнить ответа. Прошное хранило свои тайны слишком крепко.

— Да уйди же ты прочь из моих мыслей! — в ярости выкрикнул он в пустоту, едва не опрокинув стакан.

Но из-за грохочущего из колонок тяжёлого рока его собственного голоса не услышал даже бармен, лениво протиравший стойку.

Воспоминание с горами растаяло, словно дым. Но взамен, не давая перевести дыхание, навалилось новое. Тяжёлое. Душное.

Теперь вокруг него пылали факелы. Древний город, зажатый в тиски каменных стен.

Разъярённая толпа позади ревела и улюлюкала на каком-то чужом, лающем языке. В воздухе пахло гарью и страхом. Адам изо всех сил бежал по узкой, мощёной брусчатке, до боли сжимая в своей руке чью-то хрупкую ладонь.

Её ладонь... Евы.

Внезапно она споткнулась, издав тихий вскрик.

«Почему... почему мы тогда не продолжили бежать?...» — запоздалый беззвучный вопрос эхом пронёсся в его голове.

Но картинка резко оборвалась, подёрнувшись рябью, прежде чем он успел увидеть, кто именно настиг их в том тёмном переулке.

Адам судорожно открыл глаза и шумно втянул ржавый воздух ртом. Перед ним снова возник обшарпанный зал полупустого бара. Он трясущимися пальцами поднёс стакан к губам и сделал очередной обжигающий глоток. Но безжалостная память уже несла его дальше, не давая передышки.

Лес. Зловещий, неестественно тихий лес, где не пели птицы.

Адам стоит на коленях в сырой колючей траве, и весь его мир сжимается до размеров одного человеческого тела. Он держит Еву на руках. Её светлое платье стремительно пропитывается липкой, горячей кровью. Золотистые волосы разметались по мокрому мху. Она слабеет с каждой секундой, но из последних сил пытается улыбнуться, глядя на него со дна своей угасающей жизни.

— Не вини себя... — сорвался с её бледных губ едва слышимый шёпот.

Эти слова Адам помнил отчётливо. Так отчётливо, будто слышал их только вчера, а не в каком-то забытом Богом веке. Сердце болезненно, до физической судороги, сжалось в груди. Он переживал эту смерть прямо сейчас, здесь, за барной стойкой, хотя всё это случилось сотни... или тысячи лет

назад.

Следующая вспышка пришла без предупреждения, ослепив яростным светом.

Бескрайняя песчаная пустыня. Выжженное, белёсое от зноя небо и безжалостное, смертоносное солнце. Они сидят на раскалённом бархане, до предела утомлённые, изнывая от удушающей жажды. Губы потрескались в кровь, в лёгких — раскалённый воздух.

Но они там не одни.

Рядом с ними, возвышаясь над их немощью, стоит ещё один человек. Высокий мужчина в тёмных одеждах. От него веет могильным холодом, который умудряется пробирать даже сквозь пустынный жар. Адам изо всех сил пытается взглянуть в его черты, но сознание бунтует — лицо незнакомца плывёт, смазывается и распадается на чёрные тени каждый раз, когда он пытается его рассмотреть. Словно на это воспоминание наложен древний, нерушимый запрет.

Друг? Враг? Или вечный, проклятый спутник?

Адам не знал ответа. Но на каком-то подсознательном, животном уровне он отчётливо ощущал: этот человек всегда неизменно появлялся рядом с ними. Снова и снова. Из века в век. В разных историях, в разных обликах. Словно зловеющая, неотступная тень, караулящая их редкие моменты счастья.

Адам с силой потёр занывшие виски, пытаясь изгнать на-

важдение.

Почему... почему эти чужие, далёкие воспоминания всегда ощущаются им реальнее, осязаемее, чем всё его серое настоящее? Почему он помнил детали гибели Евы лучше, чем собственное детство? Почему высшие силы каждый раз заставляли его находить её среди миллиардов чужих лиц... только для того, чтобы в финале он снова её потерял?

Почему он раз за разом совер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.